

Палей Елена Вадимовна

**СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ - ПОДЧИНЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЦЕННОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ**

В статье автор рассматривает изменения в системе отношений подчинения в современном университете под влиянием потребительского и административного дискурса. Особое внимание обращается на утрату самостоятельной значимости исследовательской компоненты и социальных требований к образованию, на оборачивание системы ценностей в сторону ее деперсонализации и технологизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/9/19.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (111). С. 73-76. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3. К отличительным особенностям структуры самоотношения осужденных женщин, в отличие от правопослушных женщин, относятся поверхностное видение себя, принятие себя такими, какие есть, несмотря на недостатки и слабости. Стремление сохранить в неизменном виде свои качества, требования к себе, а главное, видение и оценку себя частично мешает осознанию ответственности за свои поступки.

Полученные данные планируется использовать для разработки психокоррекционных программ, направленных на развитие навыков анализа поведения в различных сферах жизнедеятельности с целью воспитания чувства ответственности у осужденных женщин.

Список литературы

1. Бессарабова А. О женской преступности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0667/gazeta033.php> (дата обращения: 17.09.2016).
2. Дементий Л. И. Ответственность как ресурс личности. М.: Информ-Знание, 2005. 188 с.
3. Леонов Н. И., Кириллова М. К. Психозащитное поведение женщин, совершивших преступления // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 40-50.
4. Пантелеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М., 1993. 32 с.
5. Пантелеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 100 с.
6. Самарин Н. Ю. Воспитание ответственности как фактор исправления осужденных: автореф. дисс. ... к. пед. н. СПб., 1997. 19 с.
7. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2010. 350 с.
8. Сучкова Е. Л. Представления осужденных о собственном поведении в правовой сфере // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 49-53.
9. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 339 с.
10. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Теории личности и личностный рост. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 657 с.

AWARENESS OF RESPONSIBILITY AS A CONDITION OF LAW-ABIDING BEHAVIOUR FORMATION (BY THE EXAMPLE OF WOMEN SERVING SENTENCES IN PLACES OF DEPRIVATION OF FREEDOM)

Nikulina Natal'ya Sergeevna
Novosibirsk State Technical University
nms15092005@mail.ru

The article is devoted to studying the level of responsibility of women serving sentences in places of deprivation of freedom as one of the factors involved in the formation of law-abiding behaviour. The main content of the paper is the analysis of the results of studying interrelation between the level of subjective control in different spheres of life and the components of convicted women's self-attitude structure compared to women, in whose behaviour criminal law violations are not recorded. The data can be used in the development of psychological-corrective programs aimed at the formation of the skills of the analysis of behaviour and its consequences among convicted women.

Key words and phrases: responsibility; locus of subjective control; women serving sentences in places of deprivation of freedom; self-attitude; maladjustment of individual; phenomenon of "protective externality".

УДК 124.2; 124.5

Философские науки

В статье автор рассматривает изменения в системе отношений подчинения в современном университете под влиянием потребительского и административного дискурса. Особое внимание обращается на утрату самостоятельной значимости исследовательской компоненты и социальных требований к образованию, на оборачивание системы ценностей в сторону ее деперсонализации и технологизации.

Ключевые слова и фразы: образовательное пространство; университет; отношения власти – подчинения; трансформация системы ценностей; деперсонализация и технологизация образования.

Палей Елена Вадимовна, к. филос. н.

Ивановский государственный химико-технологический университет
ev-paley@mail.ru

СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ – ПОДЧИНЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЦЕННОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Статья подготовлена при поддержке проекта РГНФ № 15-03-00833 а.

В университетском пространстве система отношений власти – подчинения обладает своей спецификой, вытекающей из особенностей образовательной деятельности, ориентированной на науку, и определенных «мягких» способов организации, присущих именно университету. Наиболее значимые иерархии, задающие режим

функционирования университетской жизни, формируются дискурсивными практиками, находящимися в пространстве *научно-познавательном*; пространственно-временная и деятельная система координат университета возникает на линии «*изучение – исследование*». В университете важны позиция равенства между студентом и преподавателем в этическом плане, достаточная степень свободы студентов и преподавателей. Рефлексивно-исследовательский элемент, присущий научному содержанию получаемых знаний, разрушает строгость дисциплинарного отношения, углубляя не только сам предмет изучения, но и методы обращения с ним, наделяя процедуру изучения вариативностью и открытостью. Но изменение условий существования университета, его вовлеченность в глобальное образовательное пространство и рынок образовательных услуг, воздействие экономических, политических и технологических факторов серьезно трансформируют эти отношения, вызывая справедливые опасения с точки зрения их радикальности и глубины влияния на сущность образовательных взаимодействий. Можно выделить несколько линий ценностных трансформаций властного дискурса университета.

Происходит существенная *деперсонализация отношений власти*. В современном университете возрастает иная власть, рост которой многие исследователи рассматривают как угрожающий. Активизируется власть административно-бюрократического аппарата. Она анонимна, поэтому учитывает человеческий фактор индивидуальности только сквозь призму прагматики (выгодности, целесообразности, эффективности) или как помеху. На наш взгляд, это можно рассматривать как усиление дискурса власти – подчинения в современном образовании. При этом более сильное бюрократическое принуждение, согласно Ж. Бодрийяру, еще и является следствием потребительского отношения, служащего мощным элементом общественного контроля [2, с. 115]. Поскольку современные технологии власти существуют именно как технологии, притом не локализуемые, а диффузные и анонимные, они не поддаются под влияние этических характеристик: невозможно определить их как «хорошие» или «плохие». Как отмечает В. Д. Губин, «все предшествующие концепции власти явно или неявно содержали в себе этический элемент», а сегодня мы имеем дело с «властью-стихийей», выражающейся в системе подвижных связей. А это существенно изменяет проблему восприятия реформ в образовании, поскольку «невозможно и бессмысленно бороться с анонимными силами» [4, с. 255-256]. Административно-бюрократический аппарат в университете формирует власть, которую нельзя рассматривать как принуждающую силу: она сосредотачивает все формы принуждения и формы освобождения внутри человека, находясь в рамках этой системы. При этом автоматичность реализации дисциплинарных сценариев вообще снимает вопрос о доверии, выводя его за пределы области критического осмысления. Во всяком случае, «удостоверение доверия» становится такой же автоматизированной и бюрократизированной процедурой, не имеющей ничего общего с моральными чувствами и отношениями.

В условиях рынка образовательных услуг в университетской иерархии стали встречаться особые категории студентов и преподавателей, место которых определяется не столько их научно-педагогической квалификацией и знаниями, сколько иными социально востребованными заслугами. В отношении студентов наиболее «большим» вопросом здесь становятся спортсмены, активисты различных движений, вытесняющие с вершин студенческой иерархии будущих ученых, а в отношении преподавателей – медиаперсоны, ученые, ориентированные преимущественно на международную деятельность, руководители коммерчески ориентированных подразделений и т.п., не считая собственно управленцев. Усиливается влияние имиджевой составляющей преподавательской деятельности, обеспечивающей способность оказывать влияние на аудиторию. Безусловно, такие изменения сказываются и на собственно образовании, размывая традиционные ценностные ориентиры и упрочивая позиции потребительски-операционального восприятия знания.

Современное администрирование всех сторон деятельности университета неявно опирается еще на одну важную предпосылку, обусловленную идеей приоритета экономических ценностей, буквально «оборачивающей» представление о свойственной интеллектуальной деятельности свободе. Как отмечает С. Коллини, «в современных консюмеристских обществах бытует подозрение, будто любая форма самоуправления является невременной завесой для халатности или даже коррупции. Жажда контроля за поведением соединяется с жаждой контроля за финансами, который никак не вписывается в “рискованное взаимодействие умов” в процессе подлинного образования» [6, с. 150-151]. Мы видим пример типичного «перекодирования» одной из важнейших университетских ценностей в контексте новой дискурсивной практики. В условиях тотального экономического детерминизма свобода обретает совершенно иную окраску: она превращается в *недобросовестность* в отношении ресурсов и благ, стоимости и собственности. Это – не просто административный беспорядок, это – вполне материализованное нарушение. А применительно к государственным вузам это оборачивается *имущественным правонарушением*. И естественно, у государства (частного инвестора или спонсора) появляется и чисто экономическое право жестче контролировать университеты.

Ситуация усугубляется технологизацией процесса. Обезличивание современной образовательной практики ужесточает отношение подчинения, построенное на восприятии субъектов образования лишь как сумм-наборов компетенций. Как сказал бы М. Фуко, это – пример новой эффективной «экономии власти», упрощающей ее реализацию через упорядоченность и детализацию [8, с. 117]. Силы отделяются от тела, а дисциплинарное принуждение демонстрирует увеличивающуюся связь между пригодностью и господством [Там же, с. 202]. Открыв дорогу техническим усовершенствованиям, сделав образование обретением «технического навыка», мы автоматически внесли в образование то внеэтическое измерение насилия, которое неотъемлемо от всей сферы технического. Несмотря на внешне демократичную «оболочку», современное образование во многом перестает быть *естественным* процессом становления личности, оно в гораздо большей степени, чем прежние внешне жесткие модели, оказывается ее *насильственным* улучшением. Управление образовательными процессами все больше двигается в сторону устройства надзора. Техники видеонаблюдения и фиксирование

присутствия в учреждении, как указывают некоторые авторы, только разветвляют его сеть [5, с. 71]. Получается противоречивая ситуация: идея классического идеального субъекта образования современность «не устраивает», а идеал «классического надзора» приживается гораздо удачнее.

Эта ситуация прекрасно описана Ж. Бодрийяром, у которого практика университетского надзора – подчинения высвечивается в не совсем типичных ракурсах. Да, его анализ показывает нам существующие механизмы власти как симулякры, как «подмену реальное знаками реального» [3, с. 7], существующие лишь для того, чтобы скрыть, что их больше нет. Но вполне реален общественный спрос на власть, способствующую достижению общественных целей [Там же, с. 40], в том числе целей образования элиты в университетах. И поскольку цели, по мнению автора, давно перешли в разряд фиктивных, а университет рассматривается лишь как «зона размещения целой возрастной категории, где нет смысла контролировать отбор», то энергия государства кристаллизуется на поддержании «уже разлагающегося референта» [Там же, с. 198], формируя модель-симулякр высшего образования, – «программируемый микрокосм», в котором «ничто не может быть оставлено на волю случайных обстоятельств». И это «очищенное от всякой угрозы смысла совершенство» завораживает и вызывает головокружение [Там же, с. 53]. Описываемый Бодрийяром «всеобъемлющий мир нормы», таким образом, не только фиксирует смерть реального университета и потерю им всякого влияния на общество, а гораздо более страшную его замену *совершенной моделью*, выполняющей те же функции в более ярком воплощении, подчеркивая тем самым неустрашимость социальных оснований образования и неоднозначность экспликации отношений подчинения даже в кажущемся «мертвым» университете.

Сегодня многие практики образования одной из самых неудобных его характеристик называют растущую бюрократизацию и безмерный бумагооборот. Если вдуматься, то его появление было закономерно в русле общих тенденций современного управления социумом. С одной стороны, это – придание значимости новой растущей отчетной деятельности (ведь согласно Ж. Бодрийяру, по закону символической ценности именно *избыток* формирует ценность искомого, а в нашем случае мы имеем дело с «производительным расточительством» административно-бюрократического регулирования) [2, с. 68-69]. В сфере научно-образовательной бюрократия – это косвенное указание на *не*возможность тотального контроля. В предсказуемых сферах с незначительным разнообразием нет смысла увеличивать количество «отчетных» параметров, они слишком очевидны. А вот там, где деятельность отличается растущим разнообразием, неявными и неартикулируемыми критериями эффективности, наличием персонализированных авторитетов (т.е. в нормальном исследовательском и педагогическом взаимодействии), – там желание все поставить под контроль возрастает прямо пропорционально невозможности это реализовать. И данный процесс серьезно усугубляется всеобщим ростом общественного недоверия. Вероятно, это можно истолковать как своеобразную реакцию современной бюрократии на усиливающуюся (и неустрашимую) нестабильность мира образования.

С исчезновением из университетской идеологии «верховой идеи» Знания образовательный дискурс отменился и еще одной существенной глубинной трансформацией значений привычных ценностей. Отношение власти – подчинения, в котором начинают преобладать экономические и бюрократические составляющие, с одной стороны, обретает более конкретные формы, а с другой – неизбежно становится ситуативным и относителем. Прежние адресаты подчинения в виде Истины и Человечества были неустрашимы и имели безусловную значимость, поэтому образование выступало в качестве одного из высших проявлений *долга*, сегодня образование утрачивает характеристики такого должностояния, что явно противоречит современным декларациям о роли образования. В аксиологическом измерении ситуация выглядит крайне противоречивой с позиции классических требований к подлинному университетскому образованию. В эпоху Просвещения образование отстаивалось как *право* разумного свободного субъекта, знания обретали ценность как *долг перед прогрессом*, а современные миссии университетов и официальные документы, указывающие на *необходимость* образованного специалиста для развития производства, означают в реальности не более чем *желание* потенциального специалиста поучаствовать в указанном развитии. Подчинение традициям университета, восприятие его как *alma mater* сейчас существуют разве что применительно к самым престижным и старым университетам (что-то вроде Оксбриджа или университетов «Лиги плюща»). Рядовой университет не воспринимается судьбоносным, поэтому и представление о корпоративном долге фактически не имеет ценности.

Одна из серьезных проблем современного образования в том, что утрата высших ценностей унесла в прошлое самоценность социальных требований к образованию. Долг перед обществом и государством потерял свою безусловную значимость, что не могло не вызвать существенные искажения в профессиональной этике. Теперь приходится отдельно доказывать будущему профессионалу, что его профессия принадлежит *не только ему*, с соответствующими выводами по поводу безопасности, корпоративной солидарности и ответственности. С учетом того, что гуманитарная подготовка практически исчезла из учебных программ в естественнонаучных и технических специальностях, задача современного университета «сформировать *профессионала*» (человека, понимающего *суть* своей деятельности, которая неотделима от развития социума), на наш взгляд, неразрешима. Вероятно, неслучайно в список компетенций по множеству специальностей включены компетенции, по отдельности обеспечивающие именно эту задачу (например, «осознание последствий своих действий», «умение работать в коллективе» и т.п.). С обесцениванием познавательного идеала «бесцельной» оказалась не только собственно учебная деятельность университета, но и воспитательная.

Итак, традиционная университетская автономия имела два источника: науку с ее отдаленностью и специфичностью (в трактовке Ф. Лиотара) и практику обучения с ее «дисциплинарностью» (понимаемой в духе М. Фуко). По мере рационализации и придания конкретности современным целям обучения в университете он все более двигается от научного заведения к дисциплинарному. Только теперь мы имеем дело не с «муштруемым телом», а с муштруемым в русле полезных побуждений и представлений сознанием. В современном

контексте образования с появлением виртуального субъекта контроль тела – задача бессмысленная. Но тогда под контроль ставятся когнитивная деятельность субъекта и его поступки. При этом мы получаем конфликт во внутриуниверситетских ценностях, т.к. возрастающая подконтрольность противоречит ценностным ожиданиям абитуриента-потребителя. При всем своем потребительском отношении к образованию, считать самого себя «рентабельной общественной собственностью» (М. Фуко) студент не желает. Перспектива, при которой будут извлекать прибыль из твоих способностей, не вызывает восторга, особенно в контексте еще живущих в нашем обществе отголосков социалистических идей. Более привлекательно выглядит версия о том, как профессионал удачно продает свои способности, зарабатывая на желаниях работодателя. Во всяком случае, в этом противоречии трактовок также сказывается уже упомянутый выше кризис контроля.

Отношения подчинения в университете (особенно в их сугубо властном аспекте) – особая тема. Здесь соединяются несколько видов подчинения – власти: и знание, и идеология, и финансы. Современные трансформации ценностно-символического пространства университета явно связаны с перераспределением всех этих властей: экономическая властность в университет пришла, а познавательная его покидает, да и носителями идеологической власти тоже становятся иные субъекты. На наш взгляд, самую большую опасность в контексте трансформации ценностных оснований университета представляет собой именно выход Знания из системы властных отношений современного университета. Как подчеркивает О. Б. Куликова, фиксируемое снижение интенсивности и фундаментальности вузовских научных исследований в России ведет к обесцениванию высшей школы [7, с. 186]. По ее мнению, синтез научно-исследовательских и педагогических практик в университете символизировал «консолидацию родственных систем духовной деятельности», построенных на подчинении объективному, рационально и системно организованному знанию о мире; а это, в свою очередь, формировало *дух свободного научного поиска* как органическую составляющую университетской среды, концентрирующей активные интеллектуальные ресурсы общества [Там же, с. 184]. Но автономия разума для современной «макдональдизированной» социальной системы – это невозможная роскошь. Поэтому реальная власть в университете остается (и здесь сильно урезанная) только познанию, точнее – узкой профессиональной подготовке.

Кроме указанных трансформаций внутри системы властных ценностных установок университета существует еще и конфликт систем ценностей университета и окружающего его социального пространства. Современное социально-политическое пространство транслирует идеологию равенства возможностей, усиливающуюся потребительскими идеалами. А образование по определению равенством быть не может: это всегда иерархия знающих и еще-не-знающих. Получается, что образование в своем ценностном измерении вообще оказывается *несовременным* институтом. Чтобы актуализоваться, оно должно не просто трансформироваться, а практически перестать быть собой.

Таким образом, упомянутые выше новые факторы существования университета (усиление влияния административно-бюрократического аппарата, нарастание его контрольных функций, технологизация многих процессов управления, обезличивание властных отношений), с одной стороны, усиливают дисциплинарные компоненты существования университета, вступают в конфликт с традиционными целями, с другой стороны – формируют новую систему ценностей и создают различные формы симуляций власти при скрытом присутствии деформированных традиционных академических ценностей и смыслов.

Список литературы

1. Балабай С. В. Пространство и время образовательного дискурса М. Фуко // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2016. № 40. С. 7-11.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «Постум», 2015. 240 с.
4. Губин В. Д. Проблема освобождения: альтернативные горизонты // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2008. № 7. С. 253-265.
5. Казанцев Н. С. «Дисциплинарные пространства» М. Фуко: тема паноптизма в современном социальном познании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 69-72.
6. Коллинс С. Зачем нужны университеты? / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 264 с.
7. Куликова О. Б. Наука, профессионализм и проблемы вузовского образования в современной России // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 5. Вып. 3. С. 184-188.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.

SYSTEM OF POWER – SUBORDINATION RELATIONS IN UNIVERSITY EDUCATIONAL SPACE: VALUE TRANSFORMATIONS

Palei Elena Vadimovna, Ph. D. in Philosophy
Ivanovo State University of Chemistry and Technology
ev-paley@mail.ru

The author of the article considers changes in the system of subordination relations at the modern university under the influence of consumer and administrative discourse. Particular attention is paid to the loss of self-dependent importance of the research component and social requirements for education, to the orientation of value system towards its depersonalization and technologization.

Key words and phrases: educational space; university; power – subordination relations; transformation of value system; depersonalization and technologization of education.